Кузнецова
Дарья
ЧУДЕСА
В НОУТБУКЕ
18+

Дарья Кузнецова

Чудеса в ноутбуке

https://litres.ru/73942524
SelfPub; 2026

Аннотация

Чудеса случаются, хотим мы того или нет, и в скептическом 21 веке - тоже. Не всегда приятные, но всегда - неожиданно.

Для Наташи Борисовой всё началось со странного ноутбука, а продолжилось - приключениями с риском для жизни и знакомством с новой гранью, казалось бы, отлично знакомого мира.

Сказочная нечисть существует. Осталось понять, за что она собирается убить Наташу и можно ли верить странному парню с фамилией Бессмертный?

Содержание

Пролог. Древнекитайский ноутбук 4
Глава 1. Запуск системы 12
Глава 2. Знакомство с интерфейсом 37
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Дарья Кузнецова
Чудеса в ноутбуке

Пролог. Древнекитайский ноутбук

— Наташ, привет! Возьмёшь старичка на органы? Или на опыты.

— Думаешь, в нём есть что-то интересное? — рассеянно отозвалась я, не поднимая головы и не снимая лупы. — Что за старичок?

— Без понятия. Какой-то древнекитайский ноутбук, я такого и не видел никогда. Он не включается.

— А зачем взял? — всё-таки заинтересовалась я, отложила пинцет и паяльник, стянула со лба козырёк с лупой и ткнула в пробел собственного ноута, ставя на паузу мрачный мистический сериал. Откинулась на спинку стула, с хрустом потянулась и, щурясь, уставилась на нависшего над столом Серёгу Веникова.

— Жалко стало, — признался он и двумя руками протянул увесистую грязно-серую плиту. — Дедок какой-то приволок, грит, жена умерла, от неё остался. Грит, ему-то на кой, а так хоть копеечка.

— И много дал? — Я со вздохом приняла ноутбук и при-

свистнула — весил гробик не меньше трёх килограммов, а то и все пять.

— Пятёрку. Сразу подумал, что ты всякие такие извращения любишь.

— Хм! Ну люблю, ты прав, — призналась, пристроив ноут на крышку его более юного родственника и с интересом открыв.

Вопрос, почему Серёга назвал покупку именно так, отпал сразу. Во-первых, на сером шершавом пластике красовалась покоцанная нашлёпка с непонятным символом, действительно похожим на иероглиф. Правда, скорее на японский, но я тот ещё специалист. А во-вторых, клавиатура у чуда техники тоже не демонстрировала ни одного знакомого символа, там даже цифр не было, только непонятные закорючки. Несколько рядов почти одинаковых толстых засаленных кнопок, без привычного длинного пробела внизу и стандартной группировки. Отличались они цветом — чёрные, белые и серые, — но по невнятной системе. Больше походило на декоративный элемент, чем на функциональное деление: тут кружочек светлый, тут чёрный, тут вообще шашечки чёрно-белые.

Я захлопнула крышку, провела ладонями по рёбрам толстенной коробочки — сантиметров пять, не меньше, — перевернула…

— Ай, чтоб тебе, зараза! — выругалась и, едва не выронив ноут, отдёрнула руку.

— Кусается? — живо заинтересовался Серёга.

— Царапается! — Я предъявила палец, на котором набухла капля крови, и сунула его в рот. Повертела ноут свободной рукой, пытаясь понять, обо что поранилась. Оказалось — эмпирически нашла один из винтов, собиравших конструкцию воедино.

— Ну всё, он испил твоей крови — значит, точно твой! — обрадовался поставщик. — С тебя пятёрка!

— Ладно, чёрт с тобой, — я выкопала телефон из-под разложенной на соседнем столе схемы. — Переведу сейчас. А зарядки от него не было?

— А, точно! Зарядка! — опомнился он и вытянул из кармана шнур. — Держи!

— Офигеть, — только и смогла сказать я, разглядывая толстый провод в тканевой изоляции неопределённого уже цвета и овальную вилку из тёмно-коричневого пластика. — У бабушки утюг с такой был…

— Я знал, что ты оценишь!

— Ладно, живи, я думаю, там будет что аффинажникам сдать, если этот гроб не заработает.

— Всё-таки попытаешься реанимировать? — уважительно хмыкнул Серёга.

— Чего бы не попробовать! Интересно, что у него внутри. Мне кажется, он старше Доса, небось своя какая-то экзотика.

— Ну и отлично. У меня пиликнуло, спасибо! А, Наташ, я чего спросить хотел… — он вдруг запнулся, замялся, но

выдал ожидаемое: — Вы с Илюхой не помирились?

— Нет, — ответила коротко и потянулась за лупой.

Серёга предсказуемо смешался и понятливо умчался обратно в свой павильон, а я помассировала переносицу и нацепила лупу обратно. Мелкая кропотливая работа — лучшее средство от душевных переживаний.

Веников скучал неподалёку, в скупке. Подержанные мобильники, планшеты, ноуты — одна из тысяч подобных невнятных конторок, непонятно на что существующих. Хозяин, по-моему, отмывал там уголовные деньги, но я нос не совала — себе дороже.

На то, что приятель мимо кассы порой проводил вот такие схемы, тем более закрывала глаза, разберутся с хозяином скупки без меня. Ну дал он не пять, а четыре тому старику с ноутбуком, да и плевать. Никто не заставлял меня покупать эти дрова, кроме собственного любопытства. Самый старый ноут, который я видела, был сделан «Тошибой» и казался моложе нового приобретения, а этот… не исключено, что он вообще не заводской, а самопал какого-то кудесника, не такой уж старый. Всё равно занятно.

Я в своём закутке занималась ремонтом пригодной для реанимации электроники. Для Серёгиной скупки тоже нередко шаманила, так что его начальник и по совместительству дядя по материнской линии Армен с характерным носом только восхищённо присвистывал и поглядывал на меня с уважением. Но не цеплял и не лез, это главное. Поначалу

из-за Илюхи и дружбы с его племянником, а сейчас… Наверное, тоже. Не из тех он людей, кто способен ценить женский интеллект.

Серёга Веников и Илья Дорохов учились вместе, в моём же институте, но на другой специальности. Закадычные друзья, как это часто бывает — совсем разные по характеру. Первый — покладистый раздолбай, которого тревожные родственники отмазали от армии, потому как «что там с деточкой сделают!». Второй — решительный и жёсткий, точно знающий, чего хочет, красивый и уверенный в себе. Он меня при знакомстве восхитил не столько внешней привлекательностью, сколько вот этим редким по нынешним временам стержнем.

После института Илья ушёл в армию, я его ждала, и все были абсолютно уверены, что после его возвращения мы поженимся. Было волнующе и восхитительно — ждать каждого письма, ждать любимого мужчину и не сомневаться ни в себе, ни в нём. Ну кто может быть лучше моего Ильи?

Потом от него пришло письмо. Жуткое и корявое — о том, что случилась беда, ему взрывом оторвало обе ноги и обезобразило лицо. Адрес госпиталя не назвал, вообще не написал ничего внятного, только дату возвращения.

Не знаю, как я тогда не поседела. До его возвращения изучала вопросы реабилитации, протезы и рассматривала программы, которые помогли бы наскрести на них денег. Искала врачей. Наскребла по знакомствам нескольких реабили-

тологов и психотерапевта, посоветовалась с ними. Если бы не Семёныч, мой бывший начальник, и не поддержка Ленки, сестры, поехала бы крышей.

Хорошо, что я не успела тогда ввязаться в кредит и не набралась решимости поговорить с родителями — я была готова и квартиру продать, которая нам с сестрой осталась от бабушки. У мамы слабое сердце, и я не отважилась её пугать.

Дорохов вышел из поезда цветущий, улыбающийся, ещё красивее, чем был раньше. Без бинтов и ожогов, своими ногами. А я к тому моменту от переживаний походила на привидение, почти не спала и ела только благодаря пинкам сестры.

Не было никакого взрыва, никаких ран, ничего не было. Он просто решил меня проверить, в чём признался легко и беззаботно.

Это был первый раз в жизни, когда я ударила человека. Если бы не прихватила с собой для моральной поддержки сестру, закатила бы безобразную истерику и вцепилась ему в лицо ногтями, а так Ленка меня утащила, не дала наворотить глупостей, и напилась я дома, под её чутким присмотром.

Родителям я рассказала всё уже после, надо же было объяснить расставание с Ильёй. Мы насилу вытрясли из отца обещание не ходить и не бить морду «этому засранцу», а то с него бы сталось. Да ещё и не одному, а товарищей подключить из автобусного парка, есть у них там боевой костяк, и ничем хорошим это бы не закончилось.

Потом Дорохов пришёл сюда, в мастерскую, но я уже была в себе. Пытался извиняться, говорил что-то умное, а я смотрела на него — и понять не могла, как вообще умудрилась влюбиться в этого человека? Который даже не понял, что сделал не так и на что я обиделась. Всё же хорошо, он не пострадал, и он теперь во мне полностью уверен, поэтому приглашает завтра вечером познакомиться с его родителями.

А во мне на том перроне что-то как будто умерло. Я ждала другого Илью — верящего в меня, растерянного и раздавленного, но готового жить дальше, — а не расчётливого робота, для которого безупречный военный билет — обязательная ступенька в карьере, как и порядочная, проверенная жена с чистой репутацией и известной родословной.

Не помню, что я ему сказала тогда и как послала, но доходчиво, потому что больше он не являлся, осторожно искал обходные пути, а в последнее время, видимо, уже и забыл обо мне. Больше полугода прошло, пора бы.

Только Серёга всё надеялся, что мы помиримся, — говорил, что Илюха дурак и своё счастье упустил. Он, в отличие от друга, прекрасно понимал, где тот не прав. А я думала о том, что в одну воду дважды не войдёшь, и хорошо, что всё вскрылось раньше, чем могло бы.

Одно только напрягало: я не знала планов Ильи и понятия не имела, действительно ли он махнул на меня рукой. Лучше бы да, но всё равно от мыслей о нём становилось не по себе,

а отделаться от них не выходило.

Хорошо, что работа никогда не даёт заскучать!

До ноутбука в этот раз руки так и не дошли. У меня довольно тихий и размеренный ритм работы, посетителей и пациентов как раз хватает, чтобы в спокойном режиме ковыряться день и не паниковать, что ничего не успеваю. Вся реклама — информация на картах и сарафанное радио: если работать добросовестно, тебя обычно начинают советовать друзьям и знакомым. Но сегодня было ощущение, что меня открыл для себя весь район, заказами буквально завалили, даром что четверг и вроде как середина недели. Пришлось отложить развлечение на неопределённый срок, но какая этому древнему китайцу разница? Годом больше, годом меньше…

Глава 1. Запуск системы

Эскалатор сегодня грохотал непривычно вяло и тянулся удручающе долго, словно вместо привычной неглубокой «Лубянки» меня занесло куда-нибудь на «Тимирязевскую». Возможно, сказывалась погода: установилась негуманная жара за тридцать, невыносимая в городе. Сейчас хорошо на даче, на природе да в лиственной тени, так что отдыхающим за городом родителям и примкнувшей к ним сестре я страшно завидовала. В центре Москвы в такую погоду остаётся только застрелиться, потому что каменные джунгли становятся непригодными для жизни.

Неделя выдалась аховой. То ли жара добивала не только людей, но и технику, заставляя ломаться чаще обычного, то ли мастерскую удачно порекомендовали в каком-нибудь районном чате, а то ли всё сразу, но я не могла припомнить подобного наплыва посетителей за всё время работы. Я не враг себе, чтобы отказываться от живых денег, так что приходилось засиживаться и до ночи. Но к концу недели здание прогрелось, находиться в каморке стало невыносимо, а паять — тем более, так что сегодняшнее воскресенье прошло под знаком вялого отупения в интернете и чатах соцсетей. Завтра у меня наконец планировался законный выходной, отчаянно хотелось спать и одиночества. А осенью, как ажиотаж спадёт,

надо собраться и завести в своём рабочем гнезде кондиционер. Дорого, но здоровье дороже.

Увенчал тяжёлую рабочую неделю правый наушник, который сдох по дороге к метро. Причём пострадал именно модуль связи, так что и через один не послушать — вот они, минусы беспроводных технологий. Оставалось стоять на громыхающей бегучей лестнице, глазеть на вялых варёных попутчиков и мечтать о том, чтобы вползти наконец в родную квартиру, врубить кондиционер на максимум и почувствовать себя живым человеком.

— ...если вы упали на рельсы, сохраняйте спокойствие! — тем временем приятным голосом вещала дама из динамиков.

Сознание зацепилось и уже без участия диктора вытряхнуло из памяти ворох информационных плакатов. Наверное, из детского сада, из тех времён, когда нас обучали правилам дорожного движения, велели обходить трамвай спереди и дожидаться зелёного сигнала светофора. Или в детском саду про метро не рассказывают и воспоминание откуда-то из более поздних времён? Не пытаться вылезти, бежать к остановке первого вагона, если видишь поезд — ложиться к нему головой.

В очередной раз шевельнулась вялая мысль о том, кто вообще эти люди, которые постоянно падают под поезда и из-за которых чат-бот Метрополитена регулярно сообщает о задержках движения. Что заставляет людей стоять так близко к краю платформы, если им регулярно говорят этого не

делать? С другой стороны, по такой погоде запросто можно грохнуться в обморок, и там уже как повезёт...

Эскалатор наконец закончился, и жидкая толпа понесла в нужном направлении. У людей воскресенье, все, кто мог, — отдыхают на природе, в парках и на дачах, в городе остались только неудачники вроде меня.

Просочившись между стеной и лестницей перехода, я дошла до места остановки нужного вагона. Из тоннеля приятно тянуло сквозняком, и вообще в городских подземельях было в сто раз лучше, чем на поверхности. Никакого палящего солнца, сквозняки, прохлада. Воздух немного спёртый, но после разогретого марева центральных улиц — в удовольствие. В голове стало понемногу проясняться. За спиной пригромыхал встречный поезд, в конце нужного тоннеля тоже замаячил свет.

— Наташа! — окликнул незнакомый, и непонятно, мужской или женский, голос, но его обладатель, по ощущениям, стоял совсем рядом. Я вздрогнула, обернулась…

Толчок в плечо оказался такой силы, что из груди выбило воздух. Сердце рухнуло в живот, в затылок дохнуло ледяным, а внизу распахнулась бездна.

Истошно заверещал кто-то на платформе. Загромыхал отходящий встречный поезд.

Пробило болью второе плечо, грудь, шарахнуло по лбу и зазвенело в ушах. Я с трудом сделала вдох, пытаясь понять, что происходит и где я вообще нахожусь. Что-то кричали лю-

ди, резкий белый свет вычерчивал густые контрастные тени. Разбитый гудящий лоб приятно холодило гладким металлом.

Пронзительный отчаянный визг откуда-то из глубины белого ударил в спину.

«Сохраняйте спокойствие!» — прозвучал в голове красивый женский голос с поставленной дикцией.

Всё вокруг казалось медленным и ненастоящим, нарисованным, словно в чёрно-белом комиксе. Тени, свет, жирный налёт на бетоне и отполированные, ослепительно блестящие рельсы. Жизнь осталась наверху, на платформе, где испуганно кричали и махали руками люди. Даже выбившиеся из хвоста волосы хлестали по лицу как-то лениво, без спешки.

Тело сдвинулось само, сползло с рельсов. Разум подключился к действию с опозданием, уже когда ноги вытянулись вдоль ледяного бетона. Я обернулась через плечо — ослепительно яркий свет фар поезда был совсем близко, молотил в лицо протяжным гудком и разогретым ветром, мешая дышать. Показалось, что я различила бледное перекошенное лицо машиниста.

Скинуть рюкзак, лечь лицом вниз, головой к поезду…

Казалось, что двигаюсь я медленно и заторможенно, поэтому ни за что не успею. И вот сейчас всё разом закончится, даже почувствовать ничего не успею, потому что многотонная металлическая махина в прямом столкновении с человеком побеждает всегда.

Интересно, сколько весит состав метро вместе с пассажирами?

Почему-то совсем не было страшно. Только машиниста жалко, он ни в чём не виноват, а вынужден пережить такой ужас. И родители. Как они вынесут эту новость?

Жирный чёрный бетон пах резко, очень характерно. Запах метро ни с чем не перепутать. Такой же неописуемый, знакомый и впитанный буквально с рождения, как железнодорожный креозот, и такой же противоестественно приятный.

Страх накатил одновременно с поездом.

Кажется, я оглохла и ослепла от чудовищного грохота, бьющего по спине жаром, запахом машинного масла и разогретого металла, жалящего ослепительными длинными искрами.

Кажется, я визжала, пока хватало воздуха.

Когда вдруг наступила тишина, показалось, что я умерла. Вот теперь — точно.

Осознание пришло через пару мгновений, с болью в голове и плече, с запахами, гомоном на платформе, холодом и жаром одновременно.

Я судорожно вздохнула и закашлялась. Приподняла голову, чтобы оглядеться. Жидкий рассеянный свет сочился по бокам от поезда. Сверху нависало тёмное и горячее брюхо вагона, а сбоку, за колёсами, клубилось чёрное и холодное. Почему-то от вида темноты под платформой окатило такой

жутью, какой не было мгновением раньше под грохочущим поездом. Что-то блеснуло, протянулась длинная сухая рука…

— Девушка, вы живы?! — крик с платформы заставил дёрнуться, сморгнуть пелену перед глазами и привидевшийся под платформой ужас. — Девушка?

— Да… Вроде… — из сорванного горла прозвучал придушенный хрип. — Да! — постаралась крикнуть громче.

— Слава богу! — выдохнула какая-то женщина.

— Вы ранены?

— Не знаю… — пробормотала, откашлялась. — Ударилась, плечо болит. Голова...

— Не двигайтесь, сейчас вас вытащат. Только не шевелитесь! Вы молодец, всё правильно сделали. Слышите меня? Всё в порядке, только не дёргайтесь!

— Да…

Дальнейшие события в сознании смазались. Меня продолжали успокаивать с платформы, потом помогли выбраться из-под поезда. Один мужчина в синем с пронзительно-оранжевыми вставками, на которых темнели чёрные разводы, второй — в форме машиниста. Перед глазами плыло, но я его узнала — именно это лицо видела над фарами поезда. Показалось, наверное; много ли там разглядишь против света и с не самым хорошим зрением!

Машинист прихватил мой рюкзак. Руки-ноги немилосердно тряслись, но с помощью мужчин удалось доковылять

до головы поезда.

То, что они говорили или спрашивали, сливалось в сплошной гул, невнятный и подёрнутый пеленой головокружения. То ли ругались, то ли успокаивали — я ни слова не разобрала. В ушах гудело, ноги подламывались.

Мужчина в спецовке положил мои ладони на грязный холодный металл лестницы, подтолкнул под локоть, сопровождая этим свои объяснения — наверное, заметил, насколько я не в себе. Но подняться самостоятельно сумела, а на платформе приняли двое — причитающая полная женщина с добрым испуганным лицом, одетая в форму, и мужчина в гражданском. Подоспели полицейские. Они тоже что-то спрашивали, потом спорили между собой…

Воссоединение с окружающим миром случилось на другом конце эскалатора, в небольшой комнатке, куда набилось несколько человек, — похоже, кабинете начальника станции. Здесь было душно, шелестел вентилятор, а мне под нос догадались сунуть нашатыря и в руку — кружку с холодной водой. Кружка пахла застарелым чайным налётом. Я выпила залпом, захлёбываясь, пролила часть на футболку, но это помогло сфокусироваться.

— Лучше? — спросила строгая немолодая шатенка в форменной блузке, которая сидела рядом, на соседнем стуле.

— Да, — сказала нетвёрдо, хрипло.

— Как вы себя чувствуете? Что-нибудь болит? Голова кружится? Скорая сейчас будет, — заверила она.

— Нет, я… нормально вроде бы, — заверила, прислушиваясь к себе. Боль пульсировала в плече и во лбу, от слабости и пережитого страха колотило, зудели ссадины, но руки-ноги на месте, слушаются, явно ничего не сломано. — Повезло.

— Вы молодец, правильно себя повели, — похвалил стоявший рядом мужчина в форме службы безопасности метро. Русый с проседью, с редкими усами и седой щетиной, он утирал платком лоб и выглядел совершенно измученным. — Только под поезд зачем бросаться? Такая молодая, симпатичная девушка...

— Я не бросалась! — От искреннего возмущения даже сил прибавилось. — Меня толкнули!

Но продолжить выяснение ситуации сразу не удалось, подоспела обещанная скорая. Возмутительно жизнерадостный врач, невысокая худощавая женщина лет пятидесяти, начала неоригинально:

— Ой, какая хорошенькая! Вылитая Варлей в молодости! — заявила она.

Замечание явно не требовало ответа, присутствующие тоже заулыбались, оценив меткость сравнения, а потом стало не до них: кипучая энергия доктора Лены, как она назвалась, обрушилась и погребла. Меня засыпали вопросами, посветили в глаза, покрутили голову, ощупали плечи. Расспросили об аллергиях, хронических болезнях, принятых лекарствах и алкоголе и, удостоверившись, что можно, сделали какой-то укол. Помогли частично оттереть грязь, обработали ссади-

ны и заверили, что отделалась я лёгким испугом, сотрясения нет, но если вдруг почувствую себя плохо — сразу к врачу.

Я только к концу этой процедуры поняла, что меня расспрашивали не только о физическом самочувствии, потому что тем же бодрым тоном доктор Лена подытожила:

— Не суицидница, точно! Небось от жары плохо стало, всю неделю такие вызовы.

— Но я не теряла сознания, — попыталась настоять на своём. — Меня толкнули! Окликнули и толкнули в плечо, когда обернулась. Вот, и синяк есть!

Правое плечо, которым приложилась внизу, ныло на каждое движение, на нём наливался длинный бурый кровоподтёк в обрамлении ссадин и грязи. Левое пострадало меньше, но на нём всё равно читался отчётливый след.

— Разберёмся, — устало махнул рукой явно не настроенный разбираться безопасник.

Скорая предложила поехать в больницу, если плохо себя чувствую, но мне ещё сильнее хотелось домой, поэтому пришлось подписывать отказ. Врачи с чувством выполненного долга отбыли, а я только тяжело вздохнула: быстро всё закончиться не могло.

Дольше мешать работе станции мы не стали. Меня попросили проверить рюкзак и убедиться, что ничего не пропало, после чего передали транспортной полиции. Вещи не пострадали, только рюкзак испачкался вместе с остальной одеждой, а так даже телефон уцелел. Хорошо, что я устала

к вечеру и глаза так болели, что об экране гаджета думать было тошно, держала бы в руках — точно разбила бы. Или потеряла.

Далеко меня не повели, обосновались на той же станции в неприметном закутке за надписью «Полиция». Лейтенант Гончаренко, как представился дежурный, внешность имел располагающую — достаточно молодой и жизнерадостный русоволосый мужчина, обаятельный, со смешливыми глазами. Когда я вошла, он что-то тыкал в своём компьютере. Лейтенант дружелюбно улыбнулся, пусть и с лёгкой снисходительностью, на меня поглядывал с оценивающим интересом.

— Ну здравствуйте. Рассказывайте, что у вас стряслось? — велел он. — Давайте паспорт… Наталья Сергеевна Борисова.

Рассказывать долго было нечего — спустилась, стояла, окликнули, толкнули. Лейтенант продолжал что-то краем глаза рассматривать в мониторе, понемногу заполнять протокол, коситься в загадочную бумагу на столе и в мой паспорт, и при этом умудрялся задавать связные уточняющие вопросы. Феноменальная способность делать несколько дел одновременно, я так не умею.

Вопросы носили общий характер, частью звучали неприятно, но я сдерживала недовольство: без формальностей никуда. Рассказала, кем работаю, как прошёл день. Не пью, не употребляю, не состояла, не привлекалась…

Господи, когда всё это кончится?

— Наталья Сергеевна, давайте начистоту, — наконец заявил лейтенант Гончаренко. — Я могу принять заявление о том, что на вас напали и толкнули под поезд. Но ничем хорошим это не кончится.

— Почему? — озадачилась я.

— Не было там никого, Наталья Сергеевна. На камерах это отчётливо видно. Я верю, что вы не хотели самоубиться, да и врач скорой адекватность подтвердил, но следователь вас первым делом отправит на психиатрическое освидетельствование, и в конце концов дело закроют за отсутствием состава преступления. Вряд ли вас признают невменяемой, вы производите впечатление достаточно сдержанной девушки, да и поведение на рельсах говорит об определённом хладнокровии. Но давайте сойдёмся на несчастном случае. По такой жаре мало ли что может привидеться! — миролюбиво и обстоятельно разъяснил ситуацию полицейский.

— А можно посмотреть запись? — попросила я уже совсем неуверенно.

Ну не может же незнакомый полицейский состоять в сговоре с моим несостоявшимся убийцей, правда! Нет, всякое бывает, и ещё более странные вещи в мире случаются, но… Да кому я могла понадобиться, чтобы так тщательно готовиться и скрывать убийство?! Я же не дочь олигарха! Мама — кассир в супермаркете, папа — водитель автобуса, сестра — художник-фрилансер! Мастерская моя и вовсе никому

не сдалась, их таких тысячи. Помещение в краткосрочной аренде, чуть задрать цену — да я сама сбегу!

Ничего не понимаю…

Наверное, посмотреть записи было нельзя, но лейтенант Гончаренко решил сразу предъявить самый убойный аргумент.

Качество видео оставляло желать лучшего, но себя я нашла и опознала сразу. И отчётливо увидела то, о чём говорил полицейский. Вот человек стоит на платформе, вот оборачивается, а вот…

— Не может быть… А можно ещё раз?

На первый взгляд всё выглядело так, что я действительно рыбкой кинулась на рельсы — боком, словно специально на камеру. Раз пять прокрутив момент падения, лейтенант согласился, что при более внимательном рассмотрении видно, что я не прыгнула, а сначала как-то странно дёрнулась — и потом уже упала.

Сама. Никакие предметы от меня не отскакивали, никто не целился из травматического пистолета, люди просто спешили по своим делам.

— Наверное, я и правда перегрелась, — признала нехотя. — Может, сознание потеряла. Дёрнулась, потому что приглючилось…

— Не переживайте, главное, всё обошлось, — утешил меня лейтенант. — Берегите себя, погода вон какая тяжёлая!

Какую-то бумагу он всё-таки составил, взял объяснитель-

ную. Заверил, что проблем, скорее всего, не возникнет, но в случае чего могут вызвать для дачи разъяснений или ещё по какой-то надобности. На том мы и расстались, причём лейтенант гостеприимно проводил до служебного туалета, чтобы могла отмыть руки и лицо.

Ох, лучше бы я не видела своего отражения! Чёлка торчком, низкий хвост — дыбом, как будто меня ещё и током дёрнуло. Несколько пятен на щеках — отпечатки грязных пальцев, на лбу здоровенный кровоподтёк, и странно вообще, что обошлось без сотрясения. Интересно, это можно считать официальным заключением о том, что мозга у пострадавшей нет?

Пока отмывала маслянистую упрямую грязь и причёсывалась, пытаясь не задеть огромную шишку, раздумывала над самым важным вопросом: как добираться домой? На такси дорого, на метро — страшно, и всё это одинаково долго. В итоге бережливость вступила в сговор с упрямством: со страхами надо бороться, а мне как-то надо перемещаться по городу, и лучше пересилить себя по горячим следам.

В метро я спускалась с внутренней дрожью и не то что к краю платформы не подошла — остановилась от неё в нескольких метрах, прижавшись спиной к стене, чтобы точно никто не подкрался. Когда подъезжал поезд, грохоча и скрежеща тормозами, — затрясло, а в ушах молоточками застучал пульс. Но вот состав остановился, глубокая бетонная канава с серебряными лентами рельсов скрылась, отго-

роженная вагоном, и стало полегче. Я смогла отклеиться от стены и пройти через двери вместе с остальными пассажирами. В вагоне, под ярким светом диодных ламп, среди пёстрой рекламы и под привычный голос, объявляющий, что «двери закрываются! Следующая станция — Охотный ряд», стало легче.

Попутчики ожидаемо подозревали чумазую избитую девицу в нехорошем: старательно держались подальше, напряжённо принюхиваясь. Две женщины преклонных лет глазели с откровенным осуждением и обсуждали между собой, но им хватило такта не делать этого демонстративно, в голос.

Притулившись у поручня при входе, всё равно на следующей станции на пересадку, я попыталась обдумать происшествие. Страшно ныли плечо и — неожиданно — колено. А я и не заметила, что стукнулась ещё и ногой. Но ладно, это мелочи, главное, всё на своих местах!

Интересно, сколько я буду видеть и слышать во сне несущийся в лицо поезд?..

Несмотря на неприятные ощущения и яркие впечатления, всё это продолжало казаться слишком реалистичным ночным кошмаром. Оно как будто не происходило на самом деле или произошло не со мной, или всё это какой-то глупый розыгрыш. Особенно выбивало из равновесия не падение и отпечатавшийся на сетчатке слепящий свет с перепуганным белым лицом над ним, а предположение, что у меня галлюцинации. Да я сроду никогда сознание не теряла! А уж так,

чтобы что-то привиделось…

Ладно, допустим, страшная чёрная тень под платформой с длинными руками точно почудилась, тут вариантов нет. Ослепило фарами, потом перед глазами плавали засвеченные пятна, да и стресс сказался — не такое увидишь. Но синяк на плече? Возможно ли, чтобы после сильного перенапряжения мышц возник кровоподтёк? Надо было у врача скорой спросить, жаль, не подумала.

К концу поездки я сумела убедить себя, что, несмотря на реалистичность воспоминаний, никто меня под поезд не толкал, и сделать из этой истории вывод: пока кукуха не улетела совсем, надо прекратить смотреть ужастики, меньше играть в стрелялки и больше отдыхать на свежем воздухе.

Домой доползла полудохлой, успев трижды проклясть собственную жадность. Окончательно схлынул адреналин, ушибы заявили о себе в голос. Болели не только они, ныло всё тело, как будто увернуться от поезда не удалось. Я плюхнулась на банкетку в коридоре, чтобы разуться, — не уверена, что смогла бы без последствий наклониться. Выдохнула. Подняла на руки пришедшего встречать Ваську, ленивого серого кота «дворянской» породы — единственного мужчину в нашем с сестрой доме. Кот заинтересованно обнюхал лицо, чихнул на лоб, несколько раз лизнул своей шершавой тёркой нос и щёку и был с богом отпущен: нечего всякую гадость вылизывать.

Обнимашки с котом и родные стены добавили сил. Рабо-

тать и делать ещё что-то полезное я не могла, ходить — тем более, но доползти до кухни сумела. Есть хотелось страшно, готовить — не хотелось совсем, так что в микроволновку отправилась тарелка резервных мороженых пельменей, щедро залитых майонезом, выложенных сыром и накрытых крышкой. Удобно не быть зожником! Восемь минут, и у тебя отличная запеканка.

Пока чудо китайской техники готовило, я побрела в ванную. Стянуть грязную одежду, принять душ — и жить станет чуточку веселее.

***

Повезло, что весь этот ужас приключился под выходной, потому что спалось отвратительно. Ломило всё тело. Обезболивающее слабо помогло унять неприятные ощущения, а стоило всё-таки провалиться в сон — навстречу из тёмного тоннеля вылетал поезд, и я раз за разом выпадала в реальность, не успевая от него увернуться.

Наутро встать с постели удалось далеко не сразу, и то, что в итоге восстало из-под одеяла, напоминало привычную энергичную меня очень отдалённо. Зато вчерашние галлюцинации ясным днём выглядели именно так, как им и положено: бредом утомлённого сознания. Надо же было такое придумать — что кто-то знакомый и знающий меня по имени решил толкнуть под поезд!

Сподвигнуть себя в таком разваленном состоянии на полезную деятельность не вышло. День прошёл под знаком

страданий, безделья, жалости к себе и попыток уподобиться вечно дремлющему Ваське. Ленясь, продукты я заказала с доставкой, поджарила котлетные полуфабрикаты, отварила макароны и настрогала простой овощной салат, после чего почувствовала себя героем и завалилась обратно в кровать с чувством выполненного долга.

В старой «двушке», оставшейся в наследство от бабушки, мы с сестрой жили вдвоём, только сейчас Ленка удрала на дачу, спасаясь от жары. Прелести фриланса: где нашёл интернет — там и рабочее место. Мама являлась в наши хоромы нечасто, и это был единственный повод тщательно прибрать «творческий беспорядок», в остальное время царивший абсолютно везде. Не приезжали родители сюда уже больше месяца, так что… Стоило бы убраться, как собиралась ещё вчера, но я разрешила себе махнуть рукой на такие мелочи.

Вместо лишней активности я позвонила маме и пожаловалась на жару, не рассказывая о происшествии в метро — всё обошлось, к чему волновать родных! Выслушала вести с полей о том, какие роскошные в этом году груши, как много на них ос, куда девать ягоды — в общем, обычные проблемы дачника. Борьба за урожай, плавно переходящая в борьбу с урожаем.

С сестрой немного поболтала в чате. Ей можно было рассказать о своём падении в подробностях, но стало лень набирать столько букв, голосовые мы обе ненавидим, а звонить — значит, отвлекать её от работы. Да и лень, что уж там!

Окончательно улеглась спать рано, ещё до девяти. Понятно, что опять полночи буду ворочаться, так пусть эта половина окажется чуть подлиннее! Вдруг утром смогу подняться с постели в более вменяемом состоянии?

В этот раз мне не снился поезд, ему на смену пришёл нереальный сюр, причём чёрно-белый. Мне всегда казалось странным, что именно такие сны считаются нормальными, я-то всегда видела всё в цвете, ещё и поярче, чем в реальности! Может, это и правда первый симптом, с которым неплохо сочетаются галлюцинации?..

С неба хлещет ливень. Дождь такой плотный, что за его пеленой не видно почти ничего, только серая мгла. Машина мчится сквозь потоки воды, отчаянно скрипят мечущиеся «дворники», но это не помогает даже на доли мгновения.

В зеркале заднего вида — что-то чёрное, невообразимо огромное, то, что заставляет жать педаль газа до упора, невзирая на опасность. Преследователь страшнее крутого поворота и опаснее возможности не справиться с управлением. Там, позади, неизбежная мучительная смерть.

Над машиной орут и кружатся чайки. Через рёв двигателя и удары воды по крыше их голоса слышатся противоестественно отчетливо.

На лобовое стекло вместе с водой льётся кровь. Отдельные капли расплываются, но их становится всё больше. Ярко-алые на фоне монохромного мира, они сочатся сквозь стыки — на руль, на руки на нём, на колени, и внутри всё

холодеет от ужаса, который парализует тело, сковывает душу ощущением безнадёжности. А то тёмное, что позади, — всё ближе и отчётливей, всё ярче и неизбежней.

Но вдруг картина меняется. Я стою под дождём среди мокрой серой травы, и кто-то держит над головой большой чёрный зонт, обнимая меня одной рукой со спины. Машина летит по дороге, и у этой гонки может быть только один конец — вот только меня он больше не касается. Здесь, под зонтом в чужой руке, не страшно.

Проснулась я за несколько минут до будильника и оставшееся до него время осмысливала увиденное, рассеянно почёсывая серую спину Василия, который занял большую часть подушки. Кот, не шевелясь, тихонько урчал, вполне довольный и лаской, и местом в жизни.

Будильник зашелестел звуком дождя и тихим птичьим пением, и я села в постели с тяжёлым вздохом. Тело ныло, но шевелиться было проще, чем вчера, так что я надеялась благополучно добрести до работы и провести день с пользой. А сон… Да чёрт его знает, с чего мне такая ерунда приснилась! Вроде и жуть с кровью, а ощущения хорошие, умиротворённые — странно. Причём особенно странно, что я была за рулём: никогда не пыталась научиться водить.

Занятая утренними сборами и попытками замазать фингал на лбу, странное видение я выкинула из головы, на всякий случай сунув в рюкзак зонтик. Дождя не обещали, но после такой страшной жары легко можно ждать грозы с ура-

ганом. Вдруг подсознание чуяло именно это?

Ремонтная мастерская — штука местечковая, с тем же успехом можно заниматься этим поближе к дому, но жаль было терять нагретое место. Началась моя трудовая биография с устройства в эту самую каморку монтажницей в помощь тогдашнему хозяину. Семёныч, мировой мужик и радиолюбитель с полувековым стажем, уже не мог паять — тряслись пальцы и подводило зрение, так что дополнительные руки в паре с глазами он и искал. А я хоть и инженер с высшим образованием, но всегда больше любила возиться с железками, ещё с училища, и посчитала такое занятие интересным. Серёга нас свёл.

Пару лет я работала вместе со стариком к общему удовольствию. Он очень многому меня научил, а я добавила к бытовой технике более тонкую электронику, разбираться в которой ему с каждым годом было всё тяжелее. Потом Семёныч окончательно вышел на пенсию, а мне досталось удобное место с достаточно обширной клиентской базой и всем накопленным оборудованием.

Обычно дорога не напрягала, это неплохой способ окончательно проснуться, перехватить вкусный кофе и полистать интернет, но после вчерашнего я особенно остро ощущала каждый километр. Метро вызвало волну жути прямо с порога, ещё до турникетов. На платформе я старательно держалась подальше от края, на своей Войковской — так вообще поближе к середине, потому что ряд колонн не давал ощу-

щения защищённости.

Неприятных впечатлений добавил и хмурый заросший мужик потасканной наружности, который стоял в нескольких метрах от меня и не сводил тяжёлого, неприятного взгляда. Осуждал замазанный тональником и залепленный телесного цвета пластырем фингал на лбу? На себя бы посмотрел! Тот ещё «красавец» — глаза запавшие, щетина недельная, одежда засаленная.

К счастью, он только сверлил взглядом и не пытался подойти, а когда мой поезд остановился, вообще куда-то побежал. Кажется, к встречному составу, но я уже не видела, да и не пыталась рассмотреть.

В остальном дорога до работы прошла спокойно, если не считать навалившейся на город с самого утра особенно удушающей жары, действительно намекающей на вечернюю грозу.

Первым посетителем стал Серёга, притащивший планшет с разбитым экраном, и громко офигел от моего внешнего вида. С приятелем можно было без сожалений и лишнего пиетета поделиться душещипательной историей об обмороке в метро, едва не стоившем жизни. Получила в ответ порцию искреннего сочувствия — Серёга хоть и раздолбай, но парень хороший, — и как будто немного полегчало. Всё ещё вяло зудящая мысль о том, что меня могли на самом деле пытаться убить, окончательно сдалась здравому смыслу.

Дальше день прошёл спокойно и рутинно. После обеда

на наш район обрушился тропический ливень, почти как во сне, принёс долгожданное облегчение и распугал клиентов, так что остаток дня удалось провести с паяльником и тестером под тихий бубнёж сериала.

Непредсказанный дождь принёс долгожданное похолодание, так что по дороге домой я в лёгком сарафане подмёрзла, но это было даже приятно.

Ливень вместе со вторником задали тон всей неделе, так что к пятнице я спокойно разгребла основной вал заказов и наконец вспомнила про терпеливо дожидавшийся своего часа древнекитайский ноутбук. Старичок не стоил того, чтобы ради него засиживаться в мастерской, поэтому поехал домой в качестве планов на вечер.

В метро я по-прежнему жалась к стенам подальше от платформы и заходила в вагон последней, но этот страх вряд ли пройдёт быстро. Сегодня почему-то было особенно жутко, мерещились тени за спиной и косые взгляды, странные лица и прочая ерунда, вплоть до мелькнувшей в щели между вагоном и платформой клыкастой пасти, но я мужественно игнорировала звоночки. Это просто недосып, перепады давления и фантазия, рано мне ещё в дурку!

Дома встретил взъерошенный полусонный Васька. Потягиваясь и зевая, вышел в коридор, пока я расстёгивала босоножки, потом вдруг замер и зашипел, выгнув спину, глядя куда-то мне под ноги.

— Скот, ты не офигел — на руку кормящую шипеть? —

проворчала и подхватила его одной рукой под брюхо. Кот запнулся, опять зевнул и вопросительно мявкнул, как будто спрашивал — а правда, чего это он? — Спросонья, да? Или услышал чего с порога? Идём ужинать, ну их на фиг.

Сегодня после нескольких дней дождей снова распогодилось. Редкий случай, что солнце выглянуло под выходные, а не наоборот, так что я опять завидовала рвущемуся в леса народу. Ровно до того момента, как представляла пробки на выезде и толпы в электричках.

Зато можно пооткрывать окна настежь, раздёрнуть шторы — и радоваться выглядывающему из редких облаков вечернему солнцу. Июль месяц, день длинный, двор дышит сырой свежестью, всю пыль прибило. Красота.

За окнами болтались непонятные верёвки. Аккуратно выглянув, я обнаружила, что этажом выше на этих ниточках работает промальпер, рассмотреть от которого удалось только ноги. С сомнением глянув на штору, я предпочла не задёргивать её, а сменить растянутую бесформенную домашнюю футболку на более приличные потёртые шорты и майку с Чебурашкой. Нечего устраивать человеку на работе стресс, я и так выгляжу не очень, а если он случайно заглянет и увидит жуткое избитое привидение… нет уж.

Выложив на стол ноут, я включила лампу над рабочим столом и пошла заваривать чай. Стоило отвернуться, как возле нового приобретения материализовался сосредоточенный Васька. Прилёг, тщательно обнюхивая и то и дело оти-

раясь о края пластикового корпуса.

— Привет от бабкиной кошки? — иронично поинтересовалась я, плюхнулась за стол и почесала кота за ухом. Дотянулась, чтобы включить домашний комп и запустить киношку. Под бойкий фэнтезийный сериал и работать интереснее.

— Мыр! — сообщил Василий, но позволил оттеснить себя от пациента.

Переходник на допотопную вилку нашёлся без проблем, так что я подключила старичка и открыла в поисках заветной кнопки. Серёга, конечно, говорил, что агрегат не включается, но веры ему никакой.

Квест оказался неожиданно сложным. Никаких выделяющихся кнопок вокруг клавиатуры, нигде никакого подобия знакомой пиктограммы, по сторонам — ни одного переключателя или ползунка. Я крутила и вертела добычу так и сяк и всё больше терялась. Первый раз такое вижу. Дизайн иногда бывает затейливым, но органы управления обычно рассчитаны на человека и его психологию, а тут как будто специально спрятали!

Несколько минут ушло на то, чтобы отыскать неприметный переключатель рядом с вентиляционной решёткой на толстеньком мониторе. Потянула рычажок…

Мощный удар в грудь выбил воздух и отшвырнул меня вместе со стулом. Сердце от страха оборвалось, оставив пустоту в животе и в горле. По спине шарахнул пол. Истошно взвыл Васька, зашипел. Кто-то выругался. Наверное, в сери-

але, и я мысленно согласилась с киношным персонажем.

Пытаясь вдохнуть и подняться, я свалилась набок со стула. Раньше меня тоже било током, но обычно это выглядело иначе.

С трудом собралась в кучу под продолжающиеся гневные вопли кота и непонятный грохот, села, проморгалась — и замерла в полном шоке.

Глава 2. Знакомство с интерфейсом

Посреди комнаты стоял посторонний мужик лет пятидесяти. В засаленной потёртой одежде, обносившийся и потасканный, с заросшим щетиной смутно знакомым лицом. То есть как — стоял? Крутился на месте, налетая на предметы, матерился и пытался скинуть со спины озверевшего Василия. Того самого Ваську, который воспринимал людей как источник почесания, никогда в жизни никого не укусил и поднимал лапу только на мышей да соседских котов на даче, а от неприятных ему типов предпочитал прятаться.

Я сидела и тупо хлопала глазами, пытаясь понять, продолжаются ли глюки, или в квартире действительно невесть откуда возник незнакомый мужик. Стоило бы взять стул и помочь коту — вряд ли этот стрёмный тип появился с благородной целью, — но, когда я дошла до этой мысли, в комнате возник ещё один посторонний.

Этот хотя и ворвался, как в боевике, но понятным способом: влетел на верёвке в открытое окно, выломав москитную сетку. Приземлился, быстрым движением отстегнулся от троса и кинулся на облезлого. Пару раз двинул кулаками — тоже чётко, как в кино, — в лицо, в живот. Потасканный

влетел спиной в шкаф, хрустнуло и разбежалось трещинами большое зеркало. А потом в руке промальпера блеснул кривой короткий нож.

Всё произошло так стремительно, что я успела только испуганно вскрикнуть. Не сомневаясь ни секунды, он пустил оружие в ход. Пара быстрых, скупых ударов в живот, облезлый скрючился и… исчез.

Васька брякнулся на пол, ошалело огляделся. Встряхнулся, задрал трубой полосатый хвост и с дружелюбным мявком отёрся о штанину оставшегося мужчины. Я пару мгновений пялилась на то место, где только что стоял незнакомый человек, но на светлом ламинате не темнело ни одной капельки крови, которая наверняка должна была остаться после ударов ножом в живот.

О том, что драка мне не померещилась, говорили опрокинутая этажерка с дисками и разбитое зеркало шкафа. Впрочем, учитывая волшебное исчезновение незнакомца, ничего нельзя утверждать наверняка.

Наташа, это шизофрения. Шизофрения, это Наташа. Не могу сказать, что приятно познакомиться...

— Вставай, надо уходить, — резко велел оставшийся глюк, стащив каску и приблизившись.

— Альпинизм — это, судя по названию, тоже заболевание, — пробормотала я, фокусируя взгляд на… убийце, выходит? Или всё-таки спасителе?

Среднего роста, жилистый, лет двадцати пяти на вид. Уз-

кое лицо, стрижка несколько месяцев назад была стильной, но сейчас обросла, так что тёмные волосы прихотливо торчали в стороны. Странные мягкие тапочки, тёмно-серые свободные штаны. Зелёная футболка обтягивает крепкие плечи, на руках — чёрные перчатки. Поверх всего этого — широкие стропы с кучей верёвочек, карабинов и других железяк непонятного назначения. Странно, как всё это богатство не побрякивало при ходьбе.

И где-то там ножны, в которых...

— Ты головой ударилась, что ли? — спросил он мрачно. Протянул руки, явно намереваясь схватить, но я наконец вышла из ступора.

Отшатнулась, схватила стул и отмахнулась. Промальпер, выругавшись, шарахнулся, а я смогла вскочить и выставила ножки стула для защиты, перехватив его поудобнее.

— Уйди, глюк! — велела твёрдо, стараясь не спускать взгляда с опасного мужика с ножом и пытаясь вспомнить, куда сунула телефон.

Чем раньше я сдамся психиатрам, тем раньше меня вернут обществу здоровой и адекватной, так что лучше сделать это добровольно и заранее, пока кого-нибудь не прибила.

— Точно ударилась, — скривился глюк, но на рожон не полез, вместо этого взялся за какие-то пряжки на своих ремнях и начал их стаскивать. — Ты чем думала, что пульт врубала без нормальной привязки? Дура!

— Ты кто вообще такой? И что этот пульт должен делать?

— мрачно спросила я. Под пультом, видимо, подразумевался древнекитайский ноутбук.

— Откуда ты его взяла, если не знаешь?

— Да какое твоё дело?! Свали уже отсюда, а!

Тип за время бессмысленного обмена риторическими вопросами успел скинуть пару килограммов прямо на пол, под окно. Карабины обиженно звякнули.

А из тускло светящегося экрана ноутбука за его спиной, как в каком-то чёртовом ужастике, высунулась длинная, непроглядно чёрная рука с когтистыми сухими пальцами. Высунулась, уцепилась за край стола, помогая хозяину подтянуться и вылезти целиком.

Это стало последней каплей. Я заорала.

Промальпер дёрнулся, стремительно обернулся — и, совершенно не удивившись, уверенно схватил лапу за запястье. Хрустнуло.

— Выключай! — рявкнул он.

Тут я спорить не стала. Глюки или нет, но этот мужик на меня не кидается, а вот то, что вылезает из компа, явно настроено недружелюбно. Да и Василий, выгнув спину, расшипелся, а коту я доверяла безоговорочно. Сейчас — больше, чем себе самой.

Бросив стул, я метнулась к столу, дрожащей рукой дёрнула переключатель — экран погас. На всякий случай вынула провод из розетки. Для собственного успокоения подхватила на руки Ваську. Упитанная и абсолютно реальная мягкая

тушка приятно оттянула руки и позволила вздохнуть свободнее: что-то в этом мире ещё осталось реальным. И только после этого я опять отодвинулась подальше от незваного гостя, к шкафу спиной.

— Какого чёрта тут происходит?!

— Вот и мне интересно, — проворчал собеседник. Но руки тянуть предусмотрительно не стал, остался на месте, и я смогла немного перевести дух. — Откуда у тебя пульт?

— В скупку сдали по соседству с работой. Старик какой-то, у него жена умерла, от неё осталось, — честно призналась я. — А продавец мне уступил, люблю всякую олдовую электронику. До него неделю не доходили руки, а сейчас я разгребла текучку и привезла его сюда, чтобы изучить.

— Олдовую, — с непонятной интонацией повторил он, поморщился и вдруг замер. — Погоди. Привезла… Ты что, с пультом была в метро?!

— Ну да. А на чём ещё мне по городу передвигаться? — не поняла я претензии.

Мужчина очень витиевато и грязно выругался, имея в виду мои умственные способности.

— Сам дурак! — Я покрепче перехватила кота. — Ты не орал бы, а внятно объяснил, какого чёрта происходит, если такой умный! У тебя минута, а потом я вызываю себе неотложку.

— Ладно. Это пульт управления информационными потоками. Не знаю, почему он попал к тебе так странно, но сей-

час он вступил с тобой в контакт. Ты же включила его без настройки, да ещё при этом успела протащить через метро, поэтому сейчас ты в опасности. Найдётся много желающих сожрать тебя и за счёт этого неслабо подняться. Пока вылезла только мелочь, которую ты успела нацеплять по дороге, но к ночи подтянется чего посерьёзнее. Если хочешь жить — до этого момента надо оказаться как можно дальше от города.

Я растерянно глянула на окно, за которым солнце уже висело низко над горизонтом.

— Эй, ты меня слышишь? — окликнул промальпер.

— Да. Пора звонить санитарам, — решила я и цапнула с края стола телефон.

И вскрикнула опять, потому что мужик вдруг оказался рядом. Жёстко стиснул запястье — совершенно материальной, твёрдой, горячей мозолистой ладонью, — и второй рукой выхватил телефон.

— Ты охренел? — выдавила я, неверяще наблюдая, как в чужих пальцах крошится мой родной годовалый смартфон. В усиленном металлическом корпусе и противоударном чехле — легко, словно пустой спичечный коробок.

— Идиотка! — не остался он в долгу. — Сдохнуть хочешь? Никакой электроники до нормальной привязки!

— Да пошёл ты! Ты мне теперь телефон должен! Помо-ом!

Васька с обиженным воплем брякнулся на пол.

Надо было сразу орать и звать на помощь, сейчас поздно.

Промальпер оказался сильным, как автопогрузчик, и таким же твёрдым. Впечатал меня в дверцу шкафа, закрыл ладонью рот, да так прижался, что стало некуда дышать. Попытки дрыгнуть ногой и ударить его успехом не увенчались, и я замерла, зажмурившись, в панике ожидая… Непонятно, чего, но чего-то плохого.

— Не ори, — велел он спокойно и холодно. — Свалилась на мою голову! Ты не сошла с ума. Есть определённая часть мира, которую большинство людей не воспринимает. Ты с ней сейчас встретилась. Назад не отмотать. Смерть расфокусированного оператора посреди города или прорыв кого-то, кто пожелает тобой подзакусить, может привести к катастрофе. Крушение нескольких поездов в метро. Взрыв ТЭС. Этого хочешь?

Он убрал руку, и я неуверенно открыла глаза.

— Ты сейчас серьёзно? — спросила растерянно. Всё ещё походило на полный бред, но я очень сомневалась, что существуют настолько материальные глюки.

— Электромагнитное поле существует? — внезапно спросил он и отстранился окончательно, позволив глубоко вздохнуть и немного успокоиться.

— Конечно! — опешила я от такого перехода.

— Ты можешь его увидеть? Ощутить? До того, как начнёшь обугливаться. А радиацию?

— Принято, аналогию поняла, — признала нехотя. — А ты кто такой?

— Я… наблюдаю, — уклончиво ответил он.

— А нельзя просто объяснить мне, что делать с этим… пультом?

— У меня нет нужных знаний. Надо ехать к… тому, кто знает.

— Ладно, а зовут-то тебя как?

— Кирилл. Кирилл Бессмертный.

— Фамилия — огонь, — хмыкнула я. — И что это за незримый мир такой? Домовые-лешие-кикиморы?

— Раньше люди воспринимали их так, теперь они в основном живут в электросетях и интернете. Просачиваются в ваш мир через электромагнитные поля и сами состоят из энергии — до определённого уровня, когда получают возможность воплощаться. Собирайся, у нас мало времени.

— Тёмная сила электричества. — Я тяжело вздохнула, вынимая из шкафа большой рюкзак-переноску. — Почему я тебя слушаю, а? Явно ведь извращенец, который хочет… Ай! — вновь шарахнулась я, потому что стоявший под столом компьютер вдруг схватил за ногу.

Кирилл среагировал моментально: от души, с явной злостью шарахнул ногой по загребущей конечности. Она хрустнула и исчезла. Я пару мгновений таращилась на ссадины от когтей на лодыжке.

— Дай минуту.

— Зачем ты берёшь кота? — заметил наконец мужчина, когда я сунула ему рюкзак, потом туда, в заднее отделение,

— выключенного древнего китайца, а следом — отирающегося вокруг Василия.

— Я доверяю ему больше, чем тебе. Даже несмотря на то, что он тебя одобрил!

За оставшееся от одной минуты время я успела черкануть для сестры записку о том, что жива-здорова, телефон случайно разбился, как куплю новый — сразу позвоню. Пририсовала рядом цветочек — наш с ней «секретный» знак ещё с детских лет, сообщавший, что всё хорошо, и сердечко, намекающее на романтический интерес. Для надёжности. Надеюсь, это всё не выйдет мне боком. Если остановиться и задуматься — неизбежно выйдет, потому что ехать непонятно куда непонятно с кем — безумие. Не исключено, что меня накачали наркотиками, и это всё бредовая продукция вышедшего погулять мозга, и даже очень вероятно. Вот только...

Говоря о доверии к коту, я не врала ни словом. Василий одобрил промальпера, а этот кот в людях не ошибался. Дружелюбный и покладистый, от Ильи, например, он всегда прятался. Я шутила, что чувствует более сильного самца и конкурента, а Васька, похоже, чуял дурно пахнущую субстанцию и предпочитал держаться подальше. По большей части именно кот убедил меня в справедливости слов Кирилла.

И лапа, да. Когда собственный компьютер тянет к тебе лапы, это серьёзно.

— Отвернись, я переоденусь.

Наверное, это глупо — провоцировать незнакомого сильного мужика, но выходить в соседнюю комнату было жутковато. А ну как там из музыкального центра какая-нибудь дрянь вылезет?

Бессмертный отвернулся без возражений, чем заработал ещё пару очков репутации, а я быстро натянула лёгкие джинсы и футболку, привязала на пояс ветровку. В карман на спинке переноски сунула паспорт и плоский кошелёк, туда же отправила завёрнутый в пакет раздавленный телефон — хоть симку из него выскребу, всё проще.

— Я готова! Куда мы едем?

— Из города, на север. У меня транспорт.

— Блин, ты пробки видел? Пятница, всё дачниками забито. Может, на собаке?

Кирилл молча одарил меня очень выразительным взглядом. Осталось только пожать плечами: не хочет на электричке — как хочет. Наверное, проблема в том, что она именно электричка, если вся эта нечисть бегает по проводам.

Бессмертный позволил закрыть окно, дождался, пока я запру дверь на оба замка. Кажется, до него наконец дошло, что, если меня торопить, получится то же самое, но дольше и со скандалом.

— Да ладно! — шокированно выдохнула я, когда подошла вслед за новым знакомым к его транспорту. — Ты серьёзно?!

— Что не так? — нахмурился он. На улице мужчина как будто слегка расслабился, но то и дело поглядывал на солнце.

— Бешеная табуретка?! Ты весь такой суровый, брутальный, людей ножом убиваешь — и ездишь на раздолбанном мопеде?!

— Это был не человек, и я его не убил, — поправил Кирилл. — Заземлил, через пару дней оклемается. А мопед — это удобно. Ты едешь?

— Крутой джип. УАЗик. Харлей. Да хоть «Урал» с коляской, но китайская ржавая табуретка! — продолжила негодовать я.

— Садись, — проворчал он, заводя свой драндулет.

— А шлем? На этом агрегате в шлеме-то страшно, а уж без…

— Садись! — рявкнул он.

Я почти согласилась, но не успела.

— Наташа! — окликнул отлично знакомый голос. — Ты в порядке? Кто это?

В нескольких метрах в стороне из припаркованного автомобиля вышел Илья и широким шагом двигался к нам. Блестящий чёрный седан, явно новенький и крутой, тёмные льняные брюки, рубашка с коротким рукавом, на лбу — солнечные очки, стильно подстриженные светлые волосы, эффектный разворот широких плеч… Бывший возлюбленный выглядел ещё великолепнее, чем раньше.

Глядя на него, я вдруг прониклась иррациональной симпатией к помятому бледно-зелёному мопеду со следами ржавчины, буквально ощутила с ним духовное родство.

Здравый смысл напомнил, что Дорохов — зло знакомое и куда разумнее сейчас попросить о помощи именно его, а не загадочного маньяка. На свежем воздухе происшествие в квартире опять стало казаться то ли странным сном, то ли галлюцинацией, то ли результатом гипноза нового знакомого. А Илья — просто циничная сволочь, не идейный злодей, причём сволочь очень законопослушная, до тошноты, и серьёзного вреда не причинит.

Я удивительно ясно ощутила себя персонажем некой компьютерной игры, стоящим сейчас на перепутье. Жаль, прохождение скачать не успела, и перезагрузиться в случае ошибки не выйдет…

— Так кто это?

Илья смотрел на Кирилла обеспокоенно, а тот успел встать с мопеда и замереть рядом со мной со сложным выражением лица и ясно читающимся в фигуре напряжением.

— Кирилл, он мой близкий друг. А это Илья, мы учились вместе, — представила я мужчин.

— Близкий друг? Который вламывается в окно? — вопросительно вскинул брови бывший.

— Ну он решил сюрприз сделать, поэтому… — машинально продолжила врать я, а потом запнулась. — Дорохов, а ты что, видел? — сообразила запоздало. Илья тоже понял, что ляпнул не то, нахмурился, спешно подыскивая внятное объяснение, но быстро и убедительно соврать не успел: я продолжила. — То есть ты видел, как в моё окно запрыгнул

посторонний мужик, и сидел здесь десять минут после этого, ожидая, чем дело кончится? А что ты вообще тут делал столько времени?! И как часто ты за мной следишь?

— Я за тебя волнуюсь, потому что…

— Начни отвечать сначала! Какого чёрта ты сидел тут и ждал, пока меня убьют?!

— Он не мог приблизиться. Ты ему запретила. Не может зайти к тебе домой, — вдруг вмешался Кирилл. Подался вперёд, вроде не вылезая, но ненавязчиво загораживая. — Сначала появляется оператор, потом — пульт для него. Так, паразит?

Не сразу, но я сообразила, о чём говорил Бессмертный: продолжал развивать тему, поднятую в квартире.

Ощущения возникли двойственные. Я уставилась на Илью, ожидая, что он поднимет все эти высказывания на смех и заявит, что я связалась с сумасшедшим. Но с другой стороны — понимала, что заговорил именно так мой загадочный спутник не случайно, уж слишком уверенным он выглядел.

— Так, огрызок, — сквозь зубы выцедил Илья. — Тем лучше. Раз ты всё ей рассказал, можно…

Что именно собирался сказать и сделать бывший, я не узнала. Он шагнул ближе, протягивая руку, как будто намеревался схватить меня за плечо, но налетел на твёрдый кулак.

Кирилл был на полголовы ниже и заметно мельче, а Илья

занимался единоборствами и никогда не походил на неповоротливый шкаф, так что не вызывало сомнений, кто в этой стычке победит.

Внешность и прошлый опыт заставили обмануться. Кирилл бил точно, со знанием дела, жёсткостью кувалды и такой скоростью, что противнику не хватило времени опомниться. Я только успела испугаться, что вот сейчас он достанет нож и всё кончится совсем-совсем плохо, но Бессмертный остановился, когда Илья упал. Дорохов стонал, кашляя и отплёвываясь от крови, досталось ему неплохо, но умирать явно не спешил.

— Быстро! — Кирилл бросил на меня тяжёлый взгляд, и я почти без колебаний шагнула к мопеду.

— Почему он назвал тебя именно огрызком?

— Потом.

Сидеть было жутко неудобно и панически страшно. Отсутствие хоть какой-то защиты и, особенно, шлема заставляло чувствовать себя стоящей над пропастью, а скорость казалась запредельной, да и маневрировал водитель… экстремально. Я покрепче обхватила твёрдое жилистое тело мужчины, наплевав на то, что прижимаюсь к совершенно незнакомому человеку. Пусть что хочет думает, а мне так хоть немного менее страшно!

И теплее. О том, что не надела ветровку, я пожалела почти сразу, но не сомневалась, что на просьбу остановиться Бессмертный не отреагирует. Может быть, правильно сделает.

Я искренне надеялась, что поедем мы дворами и объездными путями, но Кирилл вырулил на шоссе и втопил, вихляя между автомобилями и опасно лавируя в плотном вечернем потоке. Вскоре я предпочла зажмуриться и уткнуться в пахнущую резким холодным одеколоном и немного потом футболку. Лучше пусть всё случится неожиданно.

После стычки Кирилла с Ильёй я впала в странный ступор. Вроде бы двигалась, понимала, что происходит вокруг, боялась и рисовала в воображении кровавые картины неизбежного ДТП, но одновременно — словно сидела в большом аквариуме, отделённая от мира.

Очень хотелось проснуться.

Одно дело, когда о фантастических существах, живущих рядом с людьми, сообщает странный посторонний тип. Это тоже дичь, но Кирилл подобрал удачные слова, чтобы заставить меня если не поверить, то хотя бы усомниться в прежних знаниях. Человек не чувствует электромагнитного поля, может только фиксировать результаты его воздействия на себя и окружающую действительность. Нет у нас нужных органов восприятия. Так почему не существовать чему-то ещё, не менее реальному, которое мы просто не успели ещё обнаружить в очередном эксперименте? Или обнаружить, но списать на случайную ошибку.

А вот когда выясняется, что об этом прекрасно осведомлён человек, которого ты знаешь много лет, и, казалось, знаешь хорошо… Самое страшное здесь не осознание, что всё

время жила среди лжи и притворства, а понимание: это правда. Не получится проснуться, забыть и отвертеться от странного попутчика вместе с древнекитайским ноутбуком.

Впрочем, ещё полгода назад я убедилась, что скорее придумала себе идеального Илью, чем знала и понимала парня, с которым встречалась и за которого собиралась замуж. Просто ещё один штрих к неприятному портрету, скрытому под маской лощёного красавчика.

Мелочно радовало то, что внутри ничего не ёкнуло от встречи с бывшим. Никакого сожаления и приятных воспоминаний, никакого «а может...». Шевельнулась вялая досада, колыхнулись отголоски обиды — не больше. И драка вызвала шок сама по себе, без привязки к личности и особого трепета.

Интересно, почему они обменялись именно такими оскорблениями? Почему огрызок и паразит? Явно ведь знают друг о друге больше, чем я о них обоих, и эти слова показались более злыми и едкими, чем обороты из русского матерного.

Ещё стоит принять за факт, что оператор — зверь ценный и редкий, если они из-за меня сцепились. Не верю, что Илья полез, чтобы защитить в память о прошлом, ему что-то нужно. Надеюсь, хоть он не собирался меня сожрать, как те странные твари, которые лезли из компьютеров! А то прозвище «паразит» наталкивает на неприятные мысли. Он — энергетический вампир? Какой ужас.

Зачем я понадобилась Кириллу — тоже непонятно. Хотел бы сожрать — сделал бы это на месте. Наверное, я могу с этим пультом что-то очень полезное, и именно это ему нужно. Как он там говорил, «пульт управления информационными потоками»? Вроде как самый крутой хакер? Да ещё с функцией управления реальностью, потому что, если Кирилл сказал правду и одно моё нежелание видеть Илью не позволяло тому приблизиться к дому, это… впечатляет. Отдаёт безумием, но впечатляет.

Надеюсь, там, куда мы едем, мне объяснят в подробностях, откуда берутся операторы, пульты, что за огрызки и паразиты и, главное, что теперь со всем этим богатством делать.

Пусть Кирилл не окажется уголовником, желающим использовать меня в незаконных схемах! А ведь это вполне логичный и самый правдоподобный вариант. С другой стороны, если мне покажут, как именно пользоваться пультом, будет шанс сбежать. Надеюсь.

Поверить не могу, что я всерьёз об этом думаю. Волшебный ноутбук, странные существа, непонятные способности окружающих людей… Может, это всё бред? Может, меня шарахнуло током и я без сознания?

Всё-таки хорошо бы проснуться. Прямо сейчас.

***

Как бы стрёмно Кирилл ни рулил, но в какой-то момент я притерпелась и перестала так напрягаться на каждом вира-

же, даже хватку ослабила. Наглядная иллюстрация принципа «человек ко всему привыкает».

Да и в остальном, помимо агрессивной манеры езды, Бессмертный оказался терпеливым водителем. Не требовал от меня невозможного, не шипел, что я мешаю ему дышать, слишком крепко впиваюсь пальцами или куда-то не туда открениваю мопед. Помнится, когда один шапочный знакомый ради интереса и собственных понтов катал меня на мотоцикле, он потом весь изворчался.

Безжалостные дачные пробки пугали ещё дома, издалека. По отзывам регулярно стоящих в них знакомых, никакие ухищрения и нарушения не помогали существенно сократить время пути, удавалось выгадать от силы полчаса, и то при везении. Не знаю, какая суперспособность имелась у Кирилла, что он умудрился так быстро протащить нас через все круги Ада, то есть кольца Москвы, но не отказалась бы и себе подобную заполучить. Интересно, она входит в таланты оператора?

Через некоторое время, прорвавшись через основные заторы, мы съехали с трассы на мелкие дублёры и глухие просёлки, местами весьма раздолбанные, но Кирилл явно считал, что так правильнее. К этому моменту опустились сумерки, тусклая фара мопеда светила не сильнее налобного фонарика, и опять стало страшно. Страшнее, чем было поначалу, потому что именно сейчас, в этой непонятно где расположенной глуши, промальперу самое время продемонстри-

ровать чудовищный нрав и сотворить всё то плохое, что подкидывала фантазия.

Правда, очень быстро страшная перспектива стала пугать заметно меньше. Может, я хоть согреюсь во время всех этих ужасов! Пока ехали между машин, их горячие бока, тёплый асфальт и выхлопы, как оказалось, отлично грели, а вот стоило выбраться из пробки, и стало понятно, что к ночи заметно похолодало, а у меня остался только один источник тепла: Кирилл.

— Можем остановиться? Я замёрзла, и Ваське бы лапы размять, его там, бедного, небось совсем разболтало, — не выдержала через какое-то время. Мопед звонко тарахтел, но разговаривать в отсутствие шлемов получалось.

— Скоро остановимся, — отозвался водитель. — Минут через десять заправка. Потерпишь?

— Потерплю, — согласилась смиренно. — А раз отвлечение тебя от дороги уже не грозит нам мгновенной смертью, может, немного прояснишь ситуацию? Кто такой Илья, например? Вы же знакомы!

— Нет, не знакомы. Он понял, кто я, а я — кто он.

— И кто же?

— Я… не знаю многих подробностей, — медленно, с паузами, как будто формулировка мыслей давалась очень тяжело, признался он. — Давай ты потерпишь до места? Осталось часа три. Несвязные обрывки хуже, чем ничего.

— Я бы поспорила, но ладно, три часа это приемлемо.

Избалованное дитя цивилизации, при слове «заправка» я представляла большой яркий комплекс с подсветкой, магазином, кафе, заправщиками и колонками под широкой крышей. Но у Кирилла обнаружилась нездоровая страсть к древностям, и зарулили мы на до того обшарпанную станцию, что я в первый момент не поверила глазам. Не думала, что подобные ещё существуют, да так близко к столице!

Свет давал единственный чахлый фонарь над крышей небольшой будки с зарешёченным окном, куда Кирилл отправился расплачиваться. Колонок стояло всего две, дизель и девяносто второй бензин. Страшненькие, замызганные, со стрелочными индикаторами, под ржавым навесом, как в старых фильмах. Отец бы при виде этого ужаса перекрестился и ни за что не стал бы кормить лелеемую «ласточку» подозрительным зельем подозрительного разлива, но бешеная табуретка Бессмертного, видимо, заслуживала той же фамилии и жрала всё что горит.

Рассудив, что хозяину виднее, где и чем заправлять «коня», я до хруста потянулась одеревеневшим телом, поставила на сиденье мопеда рюкзак, первым делом натянула ветровку и только потом полезла проверять котика. Всё-таки он привык к совсем другим поездкам — в машине, с комфортом развалившись на собственной мягкой накидке на заднем сиденье.

Могла и не заглядывать. Василий чувствовал себя гораздо лучше, чем мог и чем я. Он явно бессовестно дрых всю до-

рогу, совершенно не волнуясь о том, как сильно шатает его временное прибежище. На зависть крепкая психика!

— Вы уже всё? — удивился Кирилл, вернувшись через пару минут и застав меня нарезающей круги вокруг мопеда с рюкзаком на спине.

— Васька отказался выходить, дрыхнет, — вздохнула я. — Но вроде хорошо себя чувствует. Хотя это на него не похоже.

— Потратил слишком много энергии. Он простой кот, а шунт был неслабый, — спокойно подтвердил мужчина и протянул мне плстмассовый стаканчик из кофейного аппарата. — Чёрный здесь совсем дерьмо, поэтому взял три в одном. Тоже растворимый, но не такой мерзкий.

— А, плевать! Горячий и сладкий, это главное, — возрадовалась я, схватила стаканчик и без возражений согласилась подержать второй, пока хозяин задавал коню корма. Мне же теплее. — Спасибо! А ты не такой вредный, как показалось поначалу.

А ещё симпатичный. Но об этом я говорить не стала.

— Такой, — возразил он.

Продолжения не последовало. Некоторое время жутко гудела и булькала колонка, плюясь в бензобак чем-то очень вонючим. По-моему, бензин пахнет иначе, но могло и показаться из-за общего мрачного вида заправки.

Интересно, как можно назвать человека, органолептически определяющего качество бензина? Октанье?

Ох, ну и чушь в голову лезет! От стресса, что ли?

Когда колонка умолкла, и пистолет вернулся обратно на крючок, я отдала Кириллу его стаканчик и спросила:

— Почему ты назвал этого типа «шунтом»? Звучит как жаргон.

— А, это… — буркнул он, прихлёбывая мерзкий, но зато сладкий кофе с привкусом жжёной резины: — Жаргон. Свежий. Люди иногда остроумно применяют слова…

— Люди? — уцепилась я и окинула его скептическим, оценивающим взглядом: — То есть ты не человек? И про мир, помнится, говорил «ваш». Ты тоже, что ли, из этих? Пришельцев?

— Задай этот вопрос, когда приедем на место. Я не могу на него ответить. Готова? Поехали.

И бешеная табуретка, насытившись, потарахтела дальше.

Некоторое время тянулись вполне приличные просёлки, мимо проплыло несколько деревень. Машины попадались, то и дело нас кто-то обгонял, и я каждый раз покрепче вцеплялась в Кирилла. Да чтобы я хоть раз ещё села на такой драндулет без шлема и нормальной защиты!

Я потеряла счёт времени, когда монотонность пейзажа нарушилась появлением достопримечательности: мы обогнули подсвеченный самолёт, стоящий на вечном приколе, а потом въехали на длиннющий широкий мост с вантами. Немного покрутились по затихающему живописному городку, в котором я прежде не бывала, так что с интересом вертела голо-

вой, разглядывая старые дома.

Вдруг Кирилл грязно выругался и резко вильнул на разбитой дороге, бросая мопед вправо, в узкий проулок. Я вскрикнула от неожиданности, чуть не слетев с сиденья, крепче вцепилась в мужчину. Сзади взвизгнули шины. Обернувшись, я увидела, как за нами выруливает ярко-жёлтая машина в каких-то наклейках. Рассмотреть их не успела: мопед опять резко прыгнул вбок, ныряя во двор. Жёлтый сзади снова взвизгнул шинами, вписываясь в поворот. Послышался скрежещущий звук удара, но преследователя это не остановило.

— Держись! — рявкнул Кирилл.

Я ещё на прошлом вираже вцепилась в него изо всех сил, отрастить пару дополнительных конечностей уже не успевала и только стиснула зубы, и сказал бы спасибо, что не на его загривке! Зато смогла не зажмуриться. Привыкаю.

Мопед метался так, что, по моим прикидкам, должен был опрокинуться ещё на первом или втором повороте, но бешеная табуретка с гордостью несла своё имя и мчалась вперёд, подскакивая на кочках, запрыгивая на узкие пешеходные срезки и ныряя в неожиданные арки.

Не знаю, сколько мы метались и сколько кругов навернули по как будто совсем небольшому городку, — всё слилось в сплошной кошмар. Я не пыталась следить за направлением и уж тем более за временем, все ресурсы тратились на фиксацию себя в пространстве.

Не представляю, как во всём этом ориентировался Кирилл, но мы ни разу не влетели в тупик, что наверняка стоило бы жизни: вряд ли преследователь жаждал с нами поздороваться и пожелать хорошей дороги. Жёлтый обладал ровно тем же чутьём: каждый раз уверенно находил нас, когда казалось, что уж теперь-то оторвались.

Хотелось предложить остановиться в таком месте, куда не сможет въехать автомобиль, и переждать или обратиться за помощью в дежурный пункт полиции — это ведь ненормально, что за нами кто-то гоняется по всему городу! Но я молчала — больше не из доверия к Кириллу, который, надеюсь, знал что делал, а из страха прикусить язык на очередном ухабе.

Наконец из подворотни мы вылетели на узкую асфальтированную улицу в единственную полосу шириной, и мопед затрещал особенно пронзительно, выжимая все силы. Сзади взревел двигатель жёлтого. А в лоб нам летела здоровенная квадратная морда грузовика.

Встречный водитель ударил по тормозам и клаксону — в каком-то десятке метров впереди. Басовитый гудок шарахнул по голове. Я зажмурилась, ощутив идущий от большой машины жар и задержав дыхание. Кирилл резко вильнул, многотонная махина дохнула выхлопом и горячим металлом слева, а за спиной оглушительно бабахнуло.

Сжавшись в комок, я только через несколько мгновений выдохнула, осознав, что большущая железная смерть опять

пронеслась в считаных сантиметрах. В спину летел отборный, забористый мат — и только. После рёва чужого двигателя — почти музыка.

Мопед задорно трещал дальше, словно ничего не случилось.

— Он убился? — предположила я, когда вновь сумела говорить.

— Нет. Ты же слышала, как орал, — отозвался Кирилл.

— Это вроде шофёр грузовика был, а я про второго.

— Второго? — озадаченно переспросил он.

— Который за нами гнался.

— За нами никто не гнался, — возразил Кирилл. Но задуматься о том, что у меня окончательно поехала крыша, не дал, пояснил: — Из людей. Ты не заметила? Это был беспилотник.

— Охренеть! Как его сюда вообще занесло… — проговорила себе под нос. Очень хотелось повторить за водителем грузовика, он был гораздо точнее в формулировках и ближе к истине, но воспитание не позволило. — Но кто-то ведь им управлял? — спросила громко, перекрывая свист ветра и тарахтение мотора. — Оператор? Или это очередная электрическая дрянь? Как там… шунт?

— Я видел то же, что и ты.

— Не скажи, отсутствие водителя я с такого расстояния, на такой скорости и в темноте не разглядела, — проворчала я, не веря ему на слово.

Думала, Кирилл не услышит, но он ответил:

— Ладно, признаю, у этого скутера есть одна крутая особенность.

— Какая? — Подвох отчётливо ощущался, но любопытство всё равно оказалось сильнее, и я задала нужный вопрос.

— Зеркала заднего вида.

На этом я перестала отвлекать и развлекать водителя. Очень жаль, потому что болтовня помогала держаться самой, а в молчании запоздало накатило всё то, от чего спасали адреналиновая гонка и разговор. Затряслись колени, руки ощущались варёными макаронинами и едва цеплялись за бока Кирилла. К холоду внешнему добавилась стылость, поднимающаяся изнутри, откуда-то из живота. Я сжалась за спиной мужчины, скрючилась, уткнулась лбом ему между лопаток, зажмурилась. Последнее сделала с особенным облегчением: глаза уже болели от ветра и устали вглядываться в темноту.

Я до сих пор кожей ощущала жар летящего в лицо грузовика. В глаза бил свет его фар. По ушам бритвой резал злобный визг шин, а в спину дышала чужая ярость. И уже не спишешь на то, что потихоньку сходишь с ума. Это реальность, стоит признать. И в этой реальности меня опять пытались убить.

Опять. То, что это тенденция, впечатляет гораздо сильнее самого факта. И началось всё в метро в воскресенье, а не сегодня. Сейчас разумные слова полицейского и записи

с камер не убеждали в том, что я потеряла сознание. Гораздо больше похоже, что некто враждебный умел оставаться невидимым для камер. Даже мрачная тень под платформой, тянувшая руки, после происшествий дома уже не казалась глюком.

Жесть, жуть, трындец и много ещё других, более ёмких выражений.

А самое главное, непонятно, чего ждать дальше. Поможет ли тот, к кому везёт Кирилл, или я здесь выступаю в роли готового блюда с доставкой? Паразит Илья хотел сожрать, и этот неведомый некто — тоже…

Через некоторое время я осознала, что перспектива пугает не настолько сильно, как должна бы. Слишком хотелось, чтобы эта гонка с неизвестностью закончилась, пусть хотя бы так.

Придумать, что делать с таким странным состоянием, и решить, стоит ли бояться уже его, не успела: мопед вдруг сбавил ход и запрыгал по раздолбанной грунтовке так, что все лишние мысли мигом высыпались. Чахлый свет фар выдёргивал из мрака куски деревьев и подлеска и представлял их зловещей расчленёнкой, никак не желавшей складываться в одну общую картину.

К счастью, по этой большой щебёнчатой тёрке ехали недолго, окончательно растрясти не успело, и зубы остались на местах.

— Здесь немного пешком, — предупредил Кирилл, свер-

нув на какую-то вовсе уж невзрачную тропинку, где остановился и заглушил мотор. — Слезай.

— Где мы? — На твёрдую поверхность я ступила с облегчением, потому что она не тряслась, но напряжённо вытаращилась в темноту, ставшую особенно кромешной после того, как погасла фара.

— В лесу, — донеслось из мрака.

— А чуть шире? — уточнила недовольно.

— Тверская область. Тут Волга недалеко.

— Спасибо, сейчас было достаточно широко! — не сдержалась от ехидства, которое осталось незамеченным. — А как тут можно пешком? Я в темноте не вижу, я же шею сверну… Ай, чёрт! Комары, чтоб им… Ух, злющие какие! Волга прямо вот здесь, что ли?

— Не настолько недалеко. Сейчас… На. Держи.

Кирилл включил и протянул небольшой налобный фонарик.

— Идём. Осторожнее, тропа узкая и может быть скользкой. Шею не свернёшь, но приятного мало.

— Куда ты меня тащишь? — спросила я недовольно — и послушно последовала за мужчиной.

— К тому, кто сможет помочь и ответить на вопросы. Тебе не кажется, что поздновато трусить и подозревать во мне маньяка? — со смешком уточнил он.

— Почему ты думаешь, что я хоть на мгновение переставала это делать? — проворчала я. — Ай! Блин! Да откуда их

тут столько? И почему они жрут только меня?!

— Я несъедобный.

О приближении к воде дали понять сырость и негромкий плеск. Тропинка кончилась быстро и достаточно неожиданно: упёрлась в узкие сходни с набитыми рейками-поперечинами, ведущие вниз, к дощатому причалу.

— Ты серьёзно? — устало вздохнула я, когда Кирилл, спустившись первым, подал мне руку, помогая не навернуться на скользком дереве. — А дальше что, дельтаплан?!

Я морально готовилась к утлой щелястой плоскодонке, но всё оказалось не так драматично. Лодка выглядела старой, на ней шелушилась краска, но внутри, под снятым брезентом, оказалось сухое металлическое нутро с деревянными скамейками. Кирилл аккуратно свернул брезент, устраивая из него гнездо в носовой части, стащил чехол с небольшого мотора. Уцелел ведь, не спёрли! Наш сосед по даче, заядлый рыбак, жаловался, что приходится таскать мотор с собой, иначе он ночи не переживёт, а тут — пожалуйста.

— Замёрзла? — участливо спросил Кирилл, окинув меня критическим взглядом, и протянул руки. — Спускайся, тут будет потеплее.

— А через мотор никакая тварь не просочится? — спросила я, опираясь на жёсткие ладони и с замиранием сердца сползая с причала. Если лодка перевернётся, это будет самое достойное завершение дня.

— В нём нет излучателей и линий связи, это главное. Из

таких маломощных штук свищи не получаются, — ответил он, заботливо с головой укутывая меня в импровизированном брезентовом гнезде.

— Свищи?

— Жаргон. В общем, вряд ли что-то просочится, — коротко отмахнулся он, вылез на мостки, отвязал лодку. Уверенно спрыгнул обратно, не обратив внимания на то, как жутковато качнулась посудина, оттолкнулся от причала.

Я стащила и открыла переноску. Василий высунул помятую морду, душераздирающе зевнул с коротким приветственным мявом и заинтересованно выбрался наружу. Шарахнулся, когда Кирилл дёрнул стартер, на следующий рывок отреагировал слабее, а когда ещё после пары попыток мотор пронзительно затрещал, кот вовсе не обратил внимания.

— Может, тебе в переноске и остаться? — предложила я.

Василий предложение проигнорировал, спрыгнул на дно лодки и, деловито задрав хвост, принялся заинтересованно обнюхивать углы.

От реки шла холодная сырость. Грязный брезент пах тиной и машинным маслом, но хорошо защищал от ветра. Под ним действительно было теплее, тут Кирилл не соврал, так что вскоре я, выключив бесполезный фонарь, оглядывалась уже куда более заинтересованно. Когда ещё городской житель вроде меня, бесконечно далёкий от туристической романтики и способный оторваться от цивилизации не дальше

благоустроенной дачи, сможет взглянуть на ночную речку с воды!

Зрелище предстало внушительное и живописное. Когда глаза привыкли, оказалось, что кругом не такая уж кромешная темень. В небе горела почти полная луна, которая серебрила зеркально спокойную водную гладь, подёрнутую редкой и тонкой плёнкой тумана. У меня плохо с географией, но смутно помнилось, что в этих местах великая река должна быть куда шире, так что шли мы явно не по Волге, а по одному из притоков.

Берег, от которого отчалили, выглядел беспросветным чёрным пятном, зато на другой стороне, чуть позади, сиял подсвеченный плавучий причал, от которого вверх вела дорожка из светляков — то ли к чьей-то шикарной даче, то ли к базе отдыха. Ещё дальше позади, в глубине берега перемигивалась широкая россыпь огоньков — наверное, деревня.

Васька деловито вспрыгнул на носовую деку, не обращая внимания на моё ворчание, что он свалится, и как его потом вылавливать в ночи. Не свалился, коротко осмотрелся и, не найдя для себя ничего интересного, спрыгнул обратно. Понюхал брезент, потёрся об мою ногу, подставил почесать спину, а потом прошествовал к Кириллу и под взглядом изумлённой публики в моём лице забрался к тому на колени.

— Ну ты и скот, кот! — возмутилась я. — Чтобы он дома хоть к кому-то на руки пошёл! Нет же, их помойное величество не желает, им неудобно, а к незнакомому мужику у та-

рахтящего мотора — пожалуйста!

Кирилл ничего не ответил, да, скорее всего, и не услышал ворчания. А больше отвлечься оказалось не на что, эффектный вид быстро наскучил однообразием, перекрикивать мотор не хотелось, и я глубже закопалась в уютный кокон. Не задремала, сложно сделать это сидя на трясущейся лодке, но провалилась куда-то между мыслями и попытками проанализировать события минувшего дня, так что остаток пути промелькнул быстро и незаметно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.